

Т. А. ИВАНОВА

ОБ АЗБУКЕ НА СТЕНЕ СОФИЙСКОГО СОБОРА В КИЕВЕ

Недавно С. А. Высоцкий опубликовал три статьи о необычной азбуке, состоящей из 27 букв, которая была обнаружена им в апсидной части Михайловского придела Софии Киевской на штукатурке XI в.¹ Эта азбука состоит из 23 букв греческого алфавита, порядок следования которых в двух местах нарушен добавлением славянских букв: к после а и ш, ц перед ѱ. Хотя литера ц занимает место греч. ф, автор публикации полагает, и, по-видимому, справедливо, что это не греческая, а славянская буква, «так как подобная форма „пси“ не известна греческой письменности, но характерна для кирилловского ц»². Четвертая славянская буква ж написана сверху над строкой после ѳ.

Вот граффито Киевской Софии в сопоставлении с азбукой Остромирова евангелия:

а	б	в	г	д	е	ж	з	и	ѳ	і	к	л	м	н	ѱ	о	п	р	с	т	у	ф
х	ш	ц	ѱ																			
	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ѱ	ф
х	ѱ	ц	ч	ш	щ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ
з—б	с	—	90																			

Открытие этой азбуки, которая, с одной стороны, не является греческой, но, с другой стороны, не соответствует и современной ей славянской кириллице, включавшей в XI в. более сорока графем, привело С. А. Высоцкого к далеко идущим выводам, связанным с вопросом о существовании самобытной дохристианской письменности у восточных славян. С точки зрения С. А. Высоцкого, эта азбука представляет раннее дохристианское местное восточнославянское письмо и отражает один из этапов постепенной славянизации греческого алфавита, который, по Храбру, в течение многих лет употреблялся «без устройства» (известно, что при помощи греческой азбуки нельзя было передать некоторые славянские звуки). При этом следует заметить, что идея постепенной славянизации греческого алфавита у самого Храбра вообще отсутствует. После упоминания о том, что греческими буквами нельзя было «добре» написать славянские слова, начинающиеся с в, ж, з, ц, ч, ш, ѳ, ж, ю, а³, Храбр сообщает об изобретении Константином Философом азбуки, состоящей из 38 букв, одни из которых были созданы «по чиноу гръчьскихъ», другие же — «по словѣнстѣи рѣчи».

Постепенная славянизация греческого алфавита вполне допустима и возможна; и все же трудно разделить подобный взгляд на открытую С. А. Высоцким азбуку. Основные доводы высказанного предположения

¹ С. О. В ы с о ц ь к и й, Стародавня слов'янська азбука в Софії Київській, «Вісник АН УРСР», 1970, 6; е г о ж е, Древнерусская азбука из Софии Киевской, «Советская археология», 1970, 4; е г о ж е, Деякі риси давньоруської писемності IX—X ст. за археологічними пам'ятками, «Мовознавство», 1971, 3.

² С. А. В ы с о ц к и й, Древнерусская азбука из Софии Киевской, стр. 132.

³ К сожалению, в статье С. А. Высоцкого («Советская археология», 1970, 4) дважды, на стр. 134 и 136, не точно названы некоторые буквы, указанные Храбром, а именно ѳ вместо ѳ, у вместо ж и а вместо ж.

сводятся к тому, что все указания об употреблении письменности на Руси до ее официального крещения должны свидетельствовать о наличии у восточных славян самобытной письменности. Именно так интерпретируется ряд подобных свидетельств.

Прежде всего С. А. Высоцкий ссылается на пресловутые «русские письмена» из VIII главы Жития Кирилла, в которых он готов видеть, вслед за В. Ф. Миллером, «славянское письмо греческими буквами»⁴. Однако вряд ли с этим можно согласиться, так как весьма сомнительно, чтобы письмо «греческими буквами» было названо «русским». В свое время Д. С. Лихачев, также допуская возможность того, что книги, найденные Константином-Кириллом в Корсуне, были русскими книгами, «в которых без особого „устройства“ были применены буквы греческого алфавита», все же высказал вполне резонное в том сомнение. «Сложная тематика этих книг (по свидетельству жития Константина это были евангелие и псалтырь), — писал Д. С. Лихачев, — говорит как будто бы за то, что письмо было в достаточной мере упорядоченное. Возможно, впрочем, что и буквы этих книг не были греческими по происхождению, иначе автор жития Константина не назвал бы их „руськими письмены“»⁵.

Думается, что если все же понимать под «русскими письменами» раннее восточнославянское письмо и при этом отождествлять его с одним из известных нам славянских алфавитов, то логичнее видеть в этих «русских письменах» глаголицу, как это сделал в свое время В. И. Григорович⁶; в наши дни развивал эту точку зрения П. Я. Черных⁷. Однако и такое толкование «русских письмен», как мне кажется, не имеет под собою достаточных оснований⁸. Более того, отсутствие непосредственной связи глаголицы с каким-либо другим алфавитом и отчетливо выраженный искусственный характер ее делают предположение о Константине-Кирилле как создателе глаголицы наиболее убедительной и правдоподобной научной гипотезой. В этом, кажется, не сомневается и С. А. Высоцкий, принимая концепцию Э. Георгиева. Таким образом, ссылка на «русские письмена», которые сами представляют собой одну из загадок кирилломефодияны, не вносит никакой ясности в вопрос о дохристианской письменности у восточных славян.

Вслед за «русскими письменами» важнейшим доказательством существования самобытной письменности у восточных славян признаются договоры русских с греками. Бесспорно, что не только сами договоры, дошедшие до нас в составе «Повести временных лет», но и содержание некоторых их статей свидетельствуют о том, что письменность на Руси имела задолго до официального принятия христианства. Однако признание этого факта никак не может служить доводом в пользу того, что договоры русских с греками были написаны архаичным докирилловским письмом, которое, как предполагает С. А. Высоцкий, Нестор «смог прочитать» и «вписать современной ему кириллицей в летопись»⁹.

В своих рассуждениях о договорах Руси с греками С. А. Высоцкий неоднократно ссылается на исследование С. П. Обнорского, но при этом совершенно упускает из вида, что последний писал о языке переводов.

⁴ С. А. Высоцкий, Древнерусская азбука из Софии Киевской, стр. 135.

⁵ Д. С. Лихачев, Возникновение русской литературы, М.—Л., 1952, стр. 21.

⁶ См.: Исследования и замечания о древних памятниках старославянской литературы, СПб., 1856, стр. 44.

⁷ П. Я. Черных, Язык и письмо, в кн.: История культуры древней Руси, II, М.—Л., 1951, стр. 133—134.

⁸ Т. А. Иванова, Еще раз о «русских письменах», Советское славяноведение, 1969, 4.

⁹ С. А. Высоцкий, Древнерусская азбука из Софии Киевской, стр. 138.

Вместе с тем выводы С. П. Обнорского в этом отношении чрезвычайно важны. «Языковой анализ,— писал Обнорский,— ... заставляет предполагать, что перевод договора 912 г. был сделан болгаринном и на болгарский (т. е. старославянский.— *Т. И.*) язык, но этот перевод был выправлен русским справщиком. Напротив, переводчиком договора 945 г. должен был быть русский книжник, соответственно и отразивший в переводе смешение и русской и болгарской к н и ж н о й (разрядка моя.— *Т. И.*) стихии»¹⁰.

Если принять эти выводы С. П. Обнорского, то, хотя время перевода с греческого договоров русских с греками «приблизительно должно было совпадать со временем фактического заключения соответствующих дипломатических актов»¹¹, они никак не могли быть написаны еще не вполне славянизированным греческим алфавитом. Напротив, есть все основания полагать, что они были написаны уже совершенно устроенной славянской азбукой. Так, в именах русских послов, которые несомненно находились в подлиннике договоров и не могли появиться в результате позднейшей правки, широко представлены дополнявшие греческий алфавит славянские буквы: з, ѡ, ѣ, б, ц, ч. Ср.: Улѣбъ, Каницаръ, Шихъбернъ, Куци, Свѣнь, Боричъ и др.¹²

Наконец, наиболее важным для С. А. Высоцкого доказательством существования самобытной письменности у восточных славян в дохристианское время является надпись X в. на корчаге из Гнездовского кургана. С. А. Высоцкий исходит из того прочтения гнездовской надписи, которое предложили Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров¹³ и которое вскоре было отвергнуто как неудовлетворительное с лингвистической точки зрения. Правда, он ссылается и на прочтение этой надписи, предложенное П. Я. Черных: *гороушина*, а не *гороухца*¹⁴, но вместе с тем палеографическому анализу подвергает начертание *ц*, а не *ш*. Заметим, что не только П. Я. Черных читал этот знак не как кирилловское *ц*. Так, В. Ф. Мареш увидел в нем греч. «пси»: *гороухѣ*¹⁵, что было отвергнуто, однако, А. С. Львовым. Но чтение, которое предлагает А. С. Львов,— искаженная форма субстантивированного причастия *гороуница* из *горѣца*,— предполагает форму старославянскую, а не русскую по происхождению. Ср. совр. русск. *горючее*¹⁶.

Как бы там ни было, С. А. Высоцкий, сопоставляя это начертание с предпоследним знаком из Софийской азбуки, отмечает, что оба они совпадают с буквой *ц* древнейших русских рукописей, так как средняя мачта этой буквы имеет длинный хвост, далеко выходящий за пределы строки, в то время как в древнейших болгарских рукописях буква *ц* или вся размещается в строке, или хвост средней мачты незначительно выходит за ее предел. Установленное отличие позволяет С. А. Высоцкому сделать предположение, что эта палеографическая особенность древнерусских рукописей является следом архаичного местного восточнославянского алфавита, каким была написана гнездовская надпись и который в XI в. был воспроизведен на стене Софийского собора в Киеве.

¹⁰ С. П. Обнорский, Язык договоров русских с греками, в кн.: С. П. Обнорский, Избр. работы по русскому языку, М., 1960, стр. 119—120.

¹¹ Там же, стр. 120.

¹² «Повесть временных лет», I, М.—Л., 1950, стр. 34—35.

¹³ Д. А. Авдусин, М. Н. Тихомиров, Древнейшая русская надпись, «Вестник АН СССР», 1950, 4, стр. 75.

¹⁴ П. Я. Черных, К вопросу о гнездовской надписи, ИАН ОЛЯ, 1950, IX, 5.

¹⁵ F. V. Mařeš, Dva objevu starých slovanských nápisů, «Slavia», 1951, XX, 4, стр. 507.

¹⁶ А. С. Львов, Еще раз о древнейшей русской надписи из Гнездова, ИАН ОЛЯ, 1971, XXX, 1.

Следы этого архаического восточнославянского письма С. А. Высоцкий усматривает и в берестяных грамотах. Касаясь необычного употребления букв *о* и *е* вместо конечных *ъ* и *ь*, он пишет: «Нельзя ли в этом явлении увидеть графический архаизм, который отражает тот этап древнерусской письменности, когда она еще не имела специальных знаков *ъ*, *ь* для обозначения глухих гласных, вместо которых писались *о*, *е*?»¹⁷.

Однако подобная графическая мена конечных *ъ* и *ь* на *о* и *е* находит отражение в берестяных грамотах лишь с XIII в. и особенно последовательно проводится в документах XIV—XV вв., что, по словам Р. И. Аванесова, «говорит, видимо, о поздней утрате редуцированных в новгородском диалекте, что вполне согласуется с ранее принятыми данными истории русского языка»¹⁸. В наиболее же архаичной грамоте № 9 (от Гостыти к Василию) «сохранены слабые редуцированные, отсутствуют *о* и *е* на месте сильных редуцированных и нет написаний с *ь* вместо *ъ* и *ь* вместо *ь*»¹⁹. Кроме того, исследовавшая палеографию берестяных грамот Л. П. Жуковская как характерную их особенность отмечает предпочтительное начертание буквы *щ*, полностью уместящееся в строке. «Такие начертания,— заключает Л. П. Жуковская,— свойственны лишь самым древнейшим памятникам, написанным чернилами. В берестяных грамотах они сохраняются довольно долго»²⁰.

Следовательно, одно из основных отличий «местного» восточнославянского христианского письма от болгарской кириллицы, которое установил С. А. Высоцкий, на самом деле таковым признано быть не может. Более того, А. С. Лъвов, снова подвергший эту надпись палеографическому анализу, пришел к выводу, не лишенному оснований, что гнездовская надпись в начертании некоторых букв (*а*, *о*, *щ*) близка к глаголице и, по-видимому, «отражает ту стадию развития кириллицы, когда в нее (собственно, в греческий алфавит) в Болгарии после 885 г. вначале почти без изменения, а потом видоизменяя под стиль греческих унциальных букв, включали глаголические буквенные знаки...»²¹.

С. А. Высоцкий пытается объяснить и то, почему в открытую им азбуку вошло лишь 4 славянских буквы: *в*, *ж*, *ш*, *щ*. Ему кажется, что эти добавочные буквы были «необходимы в первую очередь для славянского письма»²². Остальные же звуки, которые, по Храбру, были трудны для письма «без устройства», могли передаваться приблизительно при помощи комбинации разных греческих букв. Но ведь приблизительно при помощи греческих букв могли передаваться и вышеназванные звуки. Ср. славянские названия соответствующих букв в греческой транскрипции в так называемом Бандуриевом сказании: *μποβχη*, *ζηβήτ*, *σαα*, *σθία*²³.

Кроме того, отсутствие в открытой азбуке букв «зело» и «пси» С. А. Высоцкий объясняет тем, что они «употреблялись преимущественно в качестве цифр»²⁴. Но ведь не только эти буквы преимущественно употреблялись в цифровом значении, эта же особенность отличала «фиту» и «кси». Почему же они, занимая свои греческие места, имеются в граффито? При этом следует заметить, что если *ю* и *ѣ* употребляются как буквы лишь в заимствованных словах, то употребление *ѣ* широко отражено в

¹⁷ С. О. В ы с о ц ь к и й, Деякі риси давньоруської писемності IX—X ст. за археологічними пам'ятками, стр. 11.

¹⁸ См.: «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот», М., 1955, стр. 86.

¹⁹ Там же, стр. 81.

²⁰ Там же, стр. 77.

²¹ А. С. Л ь в о в, указ, соч., стр. 50.

²² С. А. В ы с о ц ь к и й, Древнерусская азбука из Софии Киевской, стр. 138.

²³ W. R e g e l, Analecta Byzantino-Russica, СПб., 1891, стр. 50.

²⁴ С. А. В ы с о ц ь к и й, Древнерусская азбука из Софии Киевской, стр. 137.

перфекте славянского глагола *пгати*: *ѡгалз*. Достаточно в этом случае сослаться на ранее опубликованные С. А. Высоцким граффити Софийского собора ²⁵.

Сам С. А. Высоцкий хорошо понимает, что его интерпретация Софийской азбуки вызывает много вопросов, целый ряд которых он в своих статьях и не поднимает. К числу их относится и такой существенно важный вопрос: если это местное восточнославянское письмо, то приходится допустить, что именно из этой азбуки заимствованы в кириллицу буквы в, ж, ш, ц. Но вероятно ли это? Покойный Иван Гошев, опубликовавший древнейшие болгарские глаголические и кирилловские надписи, в специальной статье убедительно показал, как глаголические буквы, необходимые для передачи специфических славянских звуков, проникая в славянские надписи греческими буквами, постепенно видоизменялись под стиль греческого унциала, превращая греческую азбуку, употреблявшуюся, по Храбру, вначале «без устроения», в славянскую кириллицу ²⁶. И вряд ли это возможно опровергнуть.

Вместе с тем на граффито Киевской Софии можно взглянуть с иной точки зрения, которая позволяет снять неясности и противоречия, вытекающие из предположения С. А. Высоцкого.

Следует ли вообще отличие от кириллицы лишь в количестве букв считать достаточным основанием того, чтобы принять граффито за особую азбуку? Думается, что такому предположению препятствует уникальность надписи. Для того чтобы находку на стене Киевской Софии признать за особую азбуку, т. е. за определенный по составу и порядку следования букв их перечень, необходимо хотя бы однократное ее повторение. При отсутствии этого условия надпись на стене Софийского собора в Киеве представляется лишь неумелой попыткой не очень сведущего в славянской азбуке человека изобразить кириллицу. При этом автор граффито значительно лучше знал греческий алфавит, на который он сбился уже в самом начале, пропустив ж и вставив эту букву над строкой. Этим же объясняется отсутствие буквы *з*, не входившей в греческий алфавит, греческие места букв *ю* и *ξ*, а также то, что «азбука» заканчивается *ω*.

Итак, надпись, открытая С. А. Высоцким, вряд ли может быть признана особой и самобытной древнерусской азбукой, представляющей попытку некоторой славянизации греческого алфавита.

²⁵ С. А. В ы с о ц к и й, Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., Киев, 1966, табл. V—VI, XXI, I—XXII, 1; XXIII—XXIV.

²⁶ Ив. Г о ш е в, Развитие на негръцките кириллометодиевски буквени знаци в т. нар. кирилица, в кн.: «Хиляда и сто години славянска писменост», София, 1963.